

Валдайские
записки

#13 | Апрель 2015

Марксизм в эпоху
постглобализации
Борис Кагарлицкий

После крушения советского блока в 1989-91 гг. говорить о марксизме как о передовой или хотя бы влиятельной теоретической школе в странах Восточной Европы было бы по меньшей мере странно. Идеи марксизма ассоциировались с тоталитарными и репрессивными практиками сталинского периода, с потерпевшими поражение хозяйственными структурами СССР и с консервативно-ностальгическими взглядами старшего поколения, а также небольшой части молодежи, которой «не удается вписаться в рынок». Разумеется, подобное отношение к марксистской теории было характерно именно для бывших коммунистических стран, переживавших стремительный переход от административной экономики советского типа к неолиберальному капитализму. Сам термин «социализм» был здесь в высшей степени дискредитирован.

Напротив, в университетах Западной Европы и Северной Америки преподавание марксизма оставалось важнейшей частью социологического образования, а радикальная левая интеллигенция продолжала активно участвовать в общественных дискуссиях. Однако было бы наивным упрощением утверждать, будто кризис доверия к марксистской мысли наступил только в странах бывшего советского блока. Увы, именно на Западе в 1990-х годах разворачивается масштабное контр наступление сторонников либерального идеологического мейнстрима, чьи позиции в значительной мере пошатнулись под влиянием событий 1968-74 годов (война во Вьетнаме, студенческие бунты в Франции и Италии, революция в Чили, падение право-авторитарных диктатур в Португалии, Испании и Греции, способствовавшие массовой радикализации интеллигенции далеко за пределами Южной Европы). Кризис идеологии и практики либерального мейнстрима сопровождался в конце 1970-х годов серьезными экономическими трудностями, которые переживало западное общество потребления. Однако выход из этого кризиса был найден не на путях антикапиталистических преобразований или новых социальных реформ, за что ратовали левые, а напротив, через отказ от смешанной экономики, воплощавшей концепции Дж. М. Кейнса, через политику поэтапного демонтажа социального государства, приватизацию, дерегулирование и предоставление привилегий финансовому капиталу. Иными словами, сам мейнстрим радикально сместился вправо, заместив центристские идеи прогрессивного либерализма жесткими принципами современного неолиберализма.¹

Триумф неолиберализма и кризис левых

При этом сами левые не только не смогли предложить сколько-нибудь комплексного стратегического ответа на подобные перемены, происходившие в рамках глобального капитализма, но и разделились на две группы, предлагавшие равно неконструктивные подходы. Одно течение склонно было игнорировать происходящее, доказывая, что капитализм ничуть не изменился, другая, напротив, мифологизировала перемены, принимая за чистую монету (*at face value*) любые объяснения и концепции, предлагавшиеся идеологами и пропагандистами правящего класса. Не удивительно, что крушение СССР послужило сигналом для атаки неолибералов, которые на уровне идеологической и культурной гегемонии закрепляли успехи, уже достигнутые в сфере политики и экономики. Причем под ударом

¹ Английский левый публицист Тарик Али иронически назвал этот феномен «крайним центром», когда сама политика мейнстрима и его идеология приобретают черты, обычно ассоциирующиеся с крайним радикализмом ультралевого или ультраправого толка. См. Tariq Ali. *The Extreme Centre: A Warning*. London, Verso, 2015.

оказались не только партии и теоретики, представлявшие коммунистическую традицию и связанные так или иначе с советским проектом. Западные левые, включая коммунистов, начиная с 1968 года, не раз публично критиковали СССР. Однако это ничуть не облегчило их положения в идейной борьбе конца XX века. Крушение советской системы интерпретировалось неolibеральной общественной мыслью как эмпирическое доказательство принципиальной невозможности вообще успешно построить какую-либо общественную модель, отличающуюся от современного капитализма, как на заведомую обреченность любых форм хозяйственной политики, не основывающейся на действии «невидимой руки рынка». Таким образом, не только сторонники централизованного планирования, опиравшиеся на советский опыт, но и все остальные левые — от самых умеренных социал-демократов, призывавших осторожно регулировать рынок, до самых радикальных сторонников рабочего самоуправления и анархической сетевой самоорганизации — в равной степени оказывались исключены из сферы «серьезной дискуссии» и признаны безнадежными утопистами.

Потерпев ряд политических поражений, социал-демократические и коммунистические партии начали одна за другой сдаваться на милость победителя, встраиваясь в неolibеральную систему и признавая логику нового консенсуса. Многие коммунистические партии официально прекратили свое существование. Социал-демократические партии сохранялись скорее в качестве электорального бренда, но не в качестве общественной силы, выступающей, если не за реформирование капитализма, то хотя бы за проведения качественно иной политики в его рамках. В конечном итоге вся дискуссия свелась к нюансам «культурных различий», тактическим вопросам управления и к вопросу о правильном подборе кадров.

Мелкие левые группы искали спасения в жестком догматизме, превращаясь в своеобразных «хранителей огня», вся задача которых состояла в том, чтобы передать марксистскую и социалистическую традицию в более или менее целостном виде будущим поколениям революционеров (причем они ни на минуту не прекращали борьбу между собой, выясняя, чья традиция чище). Наконец, интеллектуалы, лишённые политической опоры, обратились, по большей части, в паническое бегство, найдя идеологическое укрытие в различных версиях пост-модернистской теории. Идеологи пост-модернизма критиковали Маркса за недостаточный радикализм, доказывая, что мыслитель XIX века был слишком зависим от господствующих в то время воззрений и не смог порвать с традициями европейского Просвещения, идеями прогресса и верой в науку, которые тоже являются частью буржуазной системы ценностей. При этом, осуждая Маркса за историческую ограниченность и «буржуазность», вопрос о собственной культурной ограниченности пост-модернистские идеологи, естественно, не ставили, так же как и вопрос о собственной встроенности в систему институтов неolibерального капитализма.

Поскольку марксистский проект, как в революционном, так и в реформистском своем варианте, отвергался как «недостаточный», его должна была заменить фундаментальная критика основ современной цивилизации, настолько масштабная и глубокая, что она даже в принципе не предполагала возможности каких-либо практических действий в сфере конкретной социальной политики, экономики и т. п. Такой подход оказался особенно удобен тем, что позволял соединить претензию на интеллектуальный радикализм с принципиальным и последовательным отказом от любых попыток изменить общество. Наиболее ярким воплощением данной тенденции стала резко вошедшая в моду книга Майкла Хардта и Тони Негри «Империя», которая, если убрать шелуху радикальной словесной риторики,

представляла собой попытку доказать прогрессивность неолиберальной модели капитализма в качестве преддверия коммунизма.² Не удивительно, что на уровне практической политики авторы этой книги оказались яркими сторонниками Европейского Союза, участвовали в кампании за принятие Европейской конституции и последовательно поддерживали стратегический курс на рыночную интеграцию континента, натолкнувшийся на неожиданно жесткое сопротивление большинства населения Западной Европы.

Именно это сопротивление, зачастую никем из влиятельных левых не возглавленное, часто политически не оформленное и порой идеологически противоречивое, оказалось главной проблемой европейских и североамериканских элит после крушения СССР. Ситуацию иронически выразил мексиканский писатель и активист Субкоманданте Маркос, когда заметил в связи с восстанием индейцев в штате Чьяпас, что жители этого отдаленного региона ничего не знали ни про крушение Берлинской стены, ни про распад СССР, а потому просто продолжали защищать свои права и интересы так, как будто никакого идеологического переворота не произошло.³ Собственно, восстание сапатистов в Чьяпасе в 1994 году и стало сигналом, знаменовавшим начало нового глобального сопротивления. Другим переломным событием стали массовые протесты в Сиэтле в 1999 году, когда многотысячные демонстрации сорвали проведение министерской встречи Всемирной торговой организации и начало нового раунда переговоров об очередной либерализации мировой торговли.

«Антиглобалистское» движение

В последние годы XX века это стихийное сопротивление неолиберальной системе начало приобретать специфические организационные формы. Подобные движения с легкой руки журналистов получили прозвище «антиглобалистских», хотя сами их участники на первых порах от данного ярлыка всячески отрекались, предпочитая называть себя «глобальным движением за социальную справедливость». Новые массовые движения формировали широкие демократические коалиции, пытавшиеся выработать общую повестку дня. Затем появился Всемирный социальный форум, ставший своего рода глобальной объединительной и дискуссионной площадкой для этих движений. В 2002 году возник и Европейский социальный форум. Наконец, уже после того, как в 2008 году разразился мировой экономический кризис, на сцену вышли новые политические партии, такие как СИРИЗА в Греции и Подемос в Испании.

Следует, впрочем, отметить, что вопреки ожиданиям многих, кризис 2008 года не только не привел к изменению экономической политики в ведущих странах Запада, но даже и не способствовал росту антиглобалистского движения. Как раз наоборот. Европейский социальный форум после 2008 года резко пришел в упадок, а затем и вовсе прекратил функционировать. Всемирный социальный форум продолжал собираться, но интерес к нему

² См. М. Хардт, А. Империя. М.: Праксис, 2004. Оригинальное английское издание: Hardt, M and Negri, A (2000) Empire, Cambridge, Mass, Harvard University Press.

³ См. Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка. М.: Гилея, 2002. См. Также N.Klein. Farewell to the End of History: Organization and Vision in Anti-Corporate Movements. In: The Socialist Register, 2002, London: Merlin Press.

заметно понизился. Социальные движения сосредоточились на локальных и национальных задачах. Во Франции мы видели массовые успешные протесты против ограничивавшего трудовые права молодежи «закона о первом найме», затем ещё более массовые, но менее успешные — против пенсионной реформы. В Греции и Испании массовые мобилизации стали ответом на политику жесткой экономии, проводимую меняющимися правительствами под давлением Европейского Союза и международных банков. Своеобразной кульминацией подобных выступлений стала акция «Occupy Wall Street» в Нью-Йорке. Она оказалась в медийном плане настолько успешной, что ей стали подражать организаторы многочисленных протестных инициатив по всему миру, даже если их повестка дня не имела совершенно ничего общего ни с требованиями, ни с идеями нью-йоркских «оккупантов».

Показательно, однако, что медийный успех отнюдь не означал успеха политического. В отличие от протестов в Сиэтле в 1999 году, которые реально затормозили принятие решений в рамках Всемирной торговой организации, акции, подобные «Occupy Wall Street», никаких практических последствий не имели и никоим образом не принудили власть имущих хоть что-нибудь изменить.

Собственно именно неэффективность массовых мобилизаций и вынудила их участников (вернее определенную их часть) поставить вопрос о необходимости перехода от протеста к организованной политике. И вот тут-то востребовано оказалось не только наследие Маркса как великого экономиста, проанализировавшего противоречия капиталистической системы, но и марксизм как теория политического действия. Другой вопрос, что речь идет не о том, чтобы с религиозным рвением повторять идеологические марксистские мантры более, чем столетней давности, а о том, чтобы формулировать новую повестку дня и новые политические проекты на основе марксистского анализа.

Изменившееся общество и классовый анализ

Классовая структура общества радикально изменилась не только по сравнению со временами Маркса, но и по сравнению с XX веком, когда индустриальный капитализм достиг на Западе своего расцвета. На рубеже XX и XXI веков в мире происходило два глобальных социальных процесса, одновременно дополнявших и противоречащих друг другу. С одной стороны, имела место беспрецедентная пролетаризация населения в мировом масштабе. В странах Азии, Африки и Латинской Америки огромная масса населения, ранее связанная с традиционным сектором, вовлекалась в современное хозяйство и индустриальное производство. В развитых европейских странах представители бывших «свободных профессий», технические специалисты, интеллектуалы, ученые, даже работающие на дому программисты, дизайнеры и всевозможные представители «креативного класса» окончательно превращались в наемных работников. Выдающийся американский социолог Иммануил Валлерстайн характеризовал конец XX и начало XXI века как время тотальной пролетаризации.⁴ Но, с другой стороны, классовая структура становилась всё более размытой, традиционные связи ослабевали,

⁴ См. Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка. М.: Гилея, 2002. См. Также N.Klein. Farewell to the End of History: Organization and Vision in Anti-Corporate Movements. In: The Socialist Register, 2002, London: Merlin Press.

привычные механизмы солидарности и коллективного взаимодействия переставали работать. Новые пролетарии оказывались гораздо менее связаны между собой, чем рабочие промышленных предприятий XX века. Сами предприятия становились меньше по размерам, их коллективы — менее массовыми, их структура более дифференцированной. Старые индустриальные регионы — будь то Западная Европа, страны бывшего советского блока или Америка, утрачивали значительную часть производств, которые перемещались в Латинскую Америку, Восточную Азию, Китай. Место организованного промышленного пролетариата занимали работники сферы услуг, сотрудники образования и здравоохранения, ученые. В свою очередь новый рабочий класс формировался в странах, не имевших традиций социалистического движения, условий для развития свободных профсоюзов и левых политических партий. Разрыв в оплате труда между различными группами наемных работников резко увеличился, что неминуемо ставило вопрос о том, насколько прочной может быть солидарность между ними.

Иными словами, противоречие между трудом и капиталом никуда не исчезло, но сам мир стал куда более сложным и куда менее единым. В известном смысле пролетаризация сопровождалась атомизацией и деклассированием, а также формированием новой глобальной социальной географии, которая, в свою очередь, не могла не отразиться на перспективах мировой политики.

В новой ситуации привычные методы организации, лозунги и политические практики оказывались если и не вовсе неприменимыми, то, по крайней мере, нуждающимися в серьезной корректировке. Однако это отнюдь не означало, будто марксизм утрачивал свое значение как теория, ориентированная на практическое преобразование общества. В тупике оказывались лишь те теоретики и практики, кто упорно держался старых схем, не желая заново подвергнуть меняющуюся историческую ситуацию критическому анализу (иными словами, те, кто повторял старые выводы марксизма вместо того, чтобы самостоятельно исследовать меняющуюся реальность с помощью марксистского анализа). Между тем именно нарастающие общественные перемены делали этот анализ необходимым и востребованным.

Новое социальное государство?

Там, где левые партии продолжали держаться привычных схем, либо, наоборот, шли на поводу у либеральной идеологии, модернизма и «политкорректности», они постепенно, а порой и довольно быстро, приходили в упадок. Но на их место поднимались новые популистские движения, по-новому формулировавшие понятие солидарности.

Парадокс в том, что чем более разношерстным и гетерогенным становится мир наемного труда, тем более широкими и обобщенными становятся задачи и лозунги, на основе которых формируются коалиции и развиваются практики солидарности. Старая схема, при которой совпадение интересов рабочих, занятых однотипным трудом на однотипных заводах, становилось основой для осознания классовой общности, из которой постепенно вырастала потребность в единой профсоюзной и политической организации, неминуемо уступает место новой перспективе, когда именно формирование коалиции вокруг самых общих социальных и

экономических вопросов становится исходной точкой, позволяющей собрать вместе различные социальные силы, которые уже потом в процессе практического взаимодействия углубляют свою солидарность и взаимопонимание. Таким общим интересом становится необходимость сохранить, отстоять или снова завоевать базовые социальные права, утраченные или подорванные на протяжении последних десятилетий XX века и в начале XXI века, всё то, что составляло практическую сторону социального государства — бесплатное здравоохранение, образование, доступное жильё, общественный транспорт, институты обеспечивающие вертикальную мобильность в обществе и т. д. Иными словами, если старая солидарность формировалась «снизу вверх», то теперь процессы солидаризации идут «сверху вниз», от широкого объединения и коалиции социальных движений — к объединению и взаимопомощи на локальном уровне. Другое дело, что борьба за базовые социальные гарантии сама по себе не является конечной целью и единственным смыслом новой левой политики, по-прежнему ориентированной на структурное изменение общества.

Известный французский экономист Томас Пикетти в книге с провокативным названием «Капитал в XXI веке» доказывает, что вопрос о социальном государстве оказывается ключевым для нашего времени. «Сегодня, во втором десятилетии XXI века, неравенство, которое, казалось бы, исчезло, не только достигает прежнего исторического максимума, но и превосходит его» («Today, in the second decade of the twenty-first century, inequalities of wealth that had supposedly disappeared are close to regaining or even surpassing their historical heights»).⁵ Сокращение неравенства в XX веке было отнюдь не результатом естественной логики капитализма, но, напротив, было вызвано нарушением этой логики под воздействием войн и революций. Однако, давая весьма мрачную картину социальной и экономической деградации капитализма, Пикетти ограничивается весьма умеренными рецептами, предлагая в качестве панацеи даже не структурные реформы, а всего лишь укрепление и модернизацию сохранившихся на Западе институтов социальной поддержки граждан, на основе прогрессивного налогообложения капитала.

Между тем совершенно очевидно, что в свете накопленного исторического опыта само понятие социального государства должно быть переосмыслено. Филиппинская общественная деятельница Тина Эбро (Tina Ebro) говорит в этой связи о «Преобразующей общество социальной повестке дня» (Transformative Social Agenda).⁶ Аналогичным образом российский социолог Анна Очкина, подчеркивает, что речь уже идет не только и не столько о поддержании жизненного уровня трудящихся, сколько о создании новых механизмов социального и экономического воспроизводства, подконтрольных самому обществу, о переходе от «пассивной демократии» получателей социальных благ к «активной демократии» сознательно организуемого развития в интересах большинства.⁷

Популизм и политика

5 Th. Piketty. Capital in the Twenty-First Century. London and Cambridge, Massachusetts, The Belknap Press of Harvard University Press, 2014, p. 471.

6 См. Выступление Тины Эбро в Брюсселе в 2012 г.: <http://www.youtube.com/watch?v=tAybSc39LoQ>.

7 См. А. Очкина. Новое социальное государство как модель посткризисного развития. Логос, 2014, №2 (98).

Политической формой таких движений, как правило, оказываются уже не централистские партии традиционного социал-демократического или коммунистического типа, а широкие объединения, часто выглядящие «популистскими». Но речь не идет о собирании случайных сил вокруг популярного вождя, а об объединении социальных движений вокруг общих задач практического преобразования своей страны и мира. Такими движениями являются СИРИЗА и «Подemos», стремительно поднявшиеся на фоне упадка «старых левых» в Греции и Испании. Сходство между политическим курсом этих организаций особенно бросается в глаза на фоне существенных различий в их происхождения. СИРИЗА имеет за плечами несколько десятилетий истории, сначала в качестве параллельной («внутренней») компартии Греции, порвавшей с промосковским курсом официальной КПГ, затем в форме левосоциалистической партии «Синоспизмос» и, наконец, в виде коалиции радикальных левых, лишь сравнительно недавно оформившейся в единую организацию. Напротив, «Подemos» практически не имеет истории, это движение стремительно выросло из уличного протеста во время экономического кризиса. В 2014 массовое движение «возмущенных» (*indignados*), протестовавшее на улицах Мадрида, оформило своё политическое крыло в виде партии, а уже в 2015 году его лидера Пабло Иглесиаса (*Pablo Iglesias*) уже признавали реальным кандидатом на пост премьер-министра Испании.

Если политика СИРИЗЫ основывается на критическом переосмыслении многолетнего опыта, накопленного «старыми левыми», то «Подemos» изначально декларировало разрыв со «старыми» левыми партиями, доказавшими свою недееспособность защищать интересы трудящихся в новых условиях. Однако этот разрыв вовсе не означал отказа от марксистской традиции. Лидер «Подemos» Пабло Иглесиас начинал свою карьеру в молодежной организации компартии, а затем оттачивал свои теоретические способности в качестве академического политолога, одновременно участвуя в антиглобалистском движении. Возглавив партию, молодой политик настаивает, что её борьба не может быть сведена к традиционному классовому противостоянию, «фундаментальный раскол сегодня проходит между силами олигархии и демократии, между социальным большинством и привилегированным меньшинством» (*«fundamental divide now is between oligarchy and democracy, between a social majority and a privileged minority»*).⁸

С точки зрения марксистской ортодоксии подобная формулировка кажется однозначно еретической. Но, увы, еретиками оказывались практически все марксисты, возглавлявшие успешные революции — от Ленина с его идеей блока рабочего класса и крестьянства до Мао Цзедуня, Кастро и Че Гевары, сделавших ставку на вооруженную борьбу в сельской местности.

На самом деле Маркс, писавший о пролетариате как наиболее последовательной исторической силе, заинтересованной в преодолении капитализма, нигде и никогда не говорил, будто общественное и революционное преобразование является исключительной привилегией промышленных рабочих и их партии. Более того, именно марксистская теория XX века в лице Антонио Грамши поставила вопрос о формировании широких социальных блоков и борьбе за идейно-политическую гегемонию в масштабах всего общества. Проблема лишь в том, что подобные идеи на протяжении десятилетий либо игнорировались партийной бюрократией традиционных партий, либо, напротив, использовались как обоснование беспринципного аппаратного сговора с теми или иными группировками правящих верхов. Напротив, новый

⁸ The Nation, Feb. 2. 2015, p. 13

популизм, представленный в Европе такими партиями, как СИРИЗА или «Подемос», ориентируется на формирование широкого «низового» блока на основе равноправного союза массовых социальных движений. Вместе с организационными формами меняется и стиль политического поведения, способы взаимодействия между активистами и обществом, их облик, речь, даже внешний вид.

Вопрос о том, насколько радикальным, эффективным, успешным и последовательным окажется политический блок, составляющий основу нового популизма, остается на данный момент открытым, поскольку ни широта движения, ни его демократизм сами по себе не могут заменить серьезной политической стратегии, выработка которой требует не только организационных и пропагандистских, но также интеллектуальных усилий. И здесь марксистская теоретическая традиция вновь оказывается необходимой и, в конечном счете, незаменимой.

В то время, как в Европе поднимающаяся волна левого (а в некоторых странах и правого) популизма является, до известной степени, политическим новшеством, то в странах Латинской Америки и бывших колониальных странах Азии подобные движения уже имеют немалую историю. Популистские коалиции формировались в ходе антиколониальной борьбы и национально-освободительных восстаний. Сегодня их острие направлено прежде всего против политической коррупции и монополии на власть, которую десятилетиями сохраняют традиционные элиты независимо от политического окраса.

В этом контексте поучительным примером является «Партия простого человека» (Aam Aadmi) в Индии, одержавшая в феврале 2015 года сенсационную победу на выборах в Дели. Партия не только набрала более половины всех голосов в индийской столице, но и получила в итоге 95 процентов депутатских мест (что не удавалось даже самым успешным партиям в истории Индии). Защищая интересы беднейших слоев населения, национальных и религиозных меньшинств, низших каст, эта партия за несколько месяцев превратилась из аутсайдера в одну из ведущих сил в национальной политике.

«Это именно та сила, — писал индийский политолог Прафул Бидвай (Praful Bidwai), — которой когда-то были индийские левые, которая может, не считаясь с властями, смело выступать против иерархии и различных привилегий, основанных на праве рождения; силой, которая со всей страстью будет защищать принципы равенства и действительно станет не просто произносить высокопарные фразы о «крупнейшей в мире демократии», но требовать реального улучшения условий существования для всего народа и усиления подотчетности правителей».⁹ (It's the kind of force the Indian left once was, but recently ceased to be: irreverent towards authority; militant in opposing hierarchy and privilege based on birth; passionately egalitarian; and ready to bring the tall claims of "the world's largest democracy" down to earth through greater public accountability for rulers.)

⁹ The Guardian, 11.2.2015.

Страны БРИКС

Изменение глобальной социальной географии и процессы индустриализации в странах Азии и Латинской Америки, равно как и включение в мировой рынок стран бывшего советского блока, поставили вопрос о новом соотношении между центром и периферией капиталистической системы. На протяжении 1990-х и 2000-х годов происходил последовательный перенос промышленного производства транснациональными компаниями из стран Запада в Латинскую Америку, затем в Восточную Азию и Китай. Эта политика была вызвана не только стремлением использовать более дешевую рабочую силу, а также избегать высоких налогов и экологических ограничений, но и вполне осознанным намерением ослабить профсоюзы и рабочее движение в странах «центра». Цель была в полной мере достигнута.

Однако конечным итогом данного процесса оказалось резкое усиление не только промышленного потенциала ведущих стран периферии, но и логически возникший рост амбиций новых индустриальных держав и их элит, почувствовавших потребность и возможность изменения глобального мирового порядка. Таким образом, справившись с угрозой внутренней (со стороны собственного рабочего движения), западный капитализм столкнулся с угрозой внешней.

Воплощением этой угрозы стало возникновение экономического блока БРИКС — объединения Бразилии, России, Индии и Китая, к которому вскоре присоединилась Южная Африка. Подобный союз даже было трудно представить в конце 1990-х годов, настолько различными были экономические, политические, социальные и культурные реальности этих стран. Парадоксальным образом объединение этих стран в единую группу произошло первоначально в сознании западных экспертов, которые обнаружили черты сходства между четырьмя крупнейшими экономиками периферии — все они демонстрировали в начале 2000-х годов высокие темпы роста, наращивая промышленный потенциал. Став модной темой среди экспертов, БРИКС через некоторое время материализовался в виде более или менее оформленного международного союза.

Невозможно не заметить, что Россия явно выделяется в группе стран БРИКС как по экономическим и социальным, так и по культурным и историческим параметрам. Если Бразилия, Индия и Китай переживали в начале XXI века промышленную революцию, то Россия, напротив, восстанавливалась после глубокого кризиса, сопровождавшегося масштабной и катастрофической деиндустриализацией. Хотя страна сохранила значительный научный и производственный потенциал, размеры её экономики существенно сократились по сравнению с 1980-ми годами.

Тем не менее именно присутствие России в составе БРИКС делает этот блок полноценной геополитической силой, потенциально способной изменить конфигурацию мировой экономики в целом. Будучи единственной европейской страной в составе этого блока, единственной «старой» индустриальной великой державой, одновременно остающейся частью современной капиталистической периферии, Россия оказывается своеобразным мостом между

мирами, носителем исторических, интеллектуальных, военных и производственных традиций, без освоения которых для новых индустриальных стран невозможна эффективная защита своих интересов в случае столкновения с Западом. Именно этим, в значительной мере, объясняется и то, что антироссийские настроения среди правящих олигархий западного мира, резко усилились именно после того, как БРИКС материализовался в качестве работоспособного международного объединения. Причем показательно, что антироссийский курс элит Запада начал формироваться за несколько лет до того, как конфронтация Москвы с США и Европейским Союзом стала реальностью из-за украинского кризиса. Проблемой для западных правящих классов стала не практическая политика России на международном уровне, оставшаяся на протяжении 2000-х годов крайне консервативной и умеренной, и уж тем более не её экономическая политика, полностью укладывавшаяся в рамки общих принципов неолиберализма, а именно потенциальная роль, которую Россия может сыграть в глобальной реконфигурации миросистемы. Парадоксальным образом эту потенциальную роль западные неолиберальные идеологи и аналитики разглядели и поняли гораздо лучше, чем сами российские элиты, явно стремящиеся уклониться от подобной исторической миссии.

Социальный конфликт и глобальное противостояние

Естественный ход событий превращает страны БРИКС в центр притяжения для других государств, также стремящихся преодолеть свою зависимость от Запада и логику периферийного развития. Однако для того, чтобы стать коллективным субъектом, способным осуществить преобразование мировой системы, все эти страны должны сами пережить внутренний кризис и радикально измениться. Рост экономики и укрепление среднего класса, наблюдавшиеся во всех этих государствах на фоне экономического роста 2000-х годов, свидетельствовали не о стабилизации капиталистической системы, а наоборот о росте её противоречий, поскольку речь шла о появлении новых массовых потребностей, которые не могут быть удовлетворены в рамках существующего порядка. «Проблемы средних слоев в странах БРИКС можно выразить предельно конкретно, — пишет экономист Василий Колташов. — Одна из них: требование «среднего класса» к уровню общественной свободы. Другая — психологические проблемы его представителей. Они в немалой мере создаются средой обитания. И здесь немалое значение имеет социальная политика государства».¹⁰

Быстрый рост экономик стран БРИКС в значительной мере был подготовлен как раз неолиберальной глобализацией, создавшей на мировом уровне повышенный спрос на их продукцию и ресурсы. Однако, с одной стороны, этот спрос не может бесконечно поддерживаться в рамках сложившейся системы, противоречия которой логически привели к кризису перепроизводства и исчерпанию сложившейся модели потребления, а, с другой стороны, он породил новые противоречия, новые возможности и новые потребности как на глобальном, так и на национальном уровне. Страны, вчера ещё находившиеся на периферии системы, могут занять совершенно иное место в мире, но в этом случае измениться должны как сами эти страны, так и окружающий их мир. И надеяться, будто произойдет это плавно и бесконфликтно, нет никаких оснований.

¹⁰ Левая политика, 2013, №21, с. 12.

Внутри самих стран БРИКС должны сформироваться новые большие общественные коалиции, отражающие изменившееся соотношение сил. В этом случае процессы, происходящие в Европе, растущее там массовое сопротивление неолиберализму могут вступить в резонанс с событиями, разворачивающимся в России и в других странах БРИКС.

Конфигурация современной мировой системы такова, что радикальное изменение в ней вряд ли может быть достигнуто за счет какой-либо одной страны или победы какой-либо партии на национальном уровне. Трудности, с которыми столкнулось левое правительство Греции буквально через месяц после своего избрания, отлично демонстрируют противоречия современного политического процесса, который не может не быть одновременно и национальным и глобальным. С одной стороны, греки совершенно законно и суверенно избрали правительство, получившее мандат на радикальное изменение экономической политики и отказ от мер жесткой экономии, навязанных стране брюссельскими бюрократами Евросоюза в полном соответствии с требованиями неолиберальной теории; с другой стороны, никем не избранные и не имеющие демократических полномочий представители финансовых институтов и аппарата ЕС смогли принудить Афины подписать соглашение, явно противоречившее воле подавляющего большинства греческого народа и собственной программе СИРИЗЫ. Уступки греческого правительства вызвали резкую критику не только со стороны его избирателей и активистов в родной стране, но и в международном левом движении. Ещё ранее американский экономист, нобелевский лауреат Пол Кругман, не отличающийся особенно революционными взглядами, отмечал, что главная проблема пришедших к власти греческих левых «как раз в том, что они недостаточно радикальны» (that they're not radical enough).¹¹

Разумеется, можно упрекать СИРИЗУ в недостатке решимости и, что особенно важно, в отсутствии четкой стратегии. Но не следует сбрасывать со счетов и глобальное соотношение сил. Точно так же, как трудно ожидать, будто новые популистские движения в Греции, Испании и, потенциально, в Италии, оставаясь один на один с олигархией Евросоюза, смогут одержать решающую победу, так и страны БРИКС в случае усиления конфронтации с Западом вряд ли смогут рассчитывать на безусловный успех, если не найдут себе активных и верных союзников в самом западном мире. Однако возникающая конфигурация глобальных сил как раз открывает такую возможность: протест европейских социальных движений, вступая в резонанс с переменами, происходящими на периферии, создает новую политическую ситуацию, открывает перспективу новых глобальных коалиций. Другое дело, что практическое осуществление подобной перспективы невозможно без серьезных перемен внутри самих стран периферии, и прежде всего — стран БРИКС.

Потребность в переменных

Сегодня, на фоне глобализации и её последствий вновь крайне актуальными становятся представления Маркса о мировой революции как о глобальном социальном преобразовании, которое происходит не одновременно повсюду, но и не ограничивается рамками какой-либо страны или даже региона, а постепенно охватывает всю планету, вовлекая в свой водоворот

¹¹ The New York Times, 26.01.2015

разные общественные силы и территории. Будут ли наступающие перемены означать конец капитализма или только создадут возможность для преодоления существующей сегодня неолиберальной модели и замены её новым социальным государством — вопрос уже не теоретический, а практический. Ответ на него будет зависеть от самих участников событий, от того, какой в итоге окажется конфигурация и соотношение сил, насколько далеко пойдет инерция перемен.

Постепенное саморазрушение неолиберальной модели глобального развития заставляет по-новому осмыслить советский опыт, извлекая из него как позитивные, так и негативные уроки. Если в начале 1950-х годов результаты, достигнутые советским плановым хозяйством, воспринимались даже западными аналитиками как история успеха, пусть и омраченного чрезвычайно большими потерями и жертвами (как на экономическом, так и на человеческом, моральном уровне), а в 1990-е годы то же плановое хозяйство представлялось уже потерпевшим поражение и изначально обреченным проектом, то в нынешней ситуации становится понятно, что именно критическое переосмысление и переоценка данного опыта (наряду с опытом регулирования рынка, накопленного последователями Дж. М. Кейнса) дает нам возможность сформулировать новые подходы к общественному развитию, найти ответы на вопросы, поставленные кризисом.

«Сегодня в России советское социальное государство, не ценимое в полной мере советскими гражданами и разрушаемое реформами правительства, переживает второе рождение уже в качестве феномена общественного сознания, элемента системы ценностей и мотиваций российских граждан, — констатирует Анна Очкина. — Этот факт проявляется не в осознанном стремлении вернуть советский строй, не в сколько-нибудь продуманной политической или социальной программе, выдвигаемой теми или иными движениями. Он выступает пока только в виде некоего полубессознательного стремления найти подтверждение тому, что то, что сейчас реформами правительства превращается в услуги разной степени доступности, существовало ранее как социальные права. Именно восприятие образования, здравоохранения, культуры, социальных гарантий как социальных прав есть наследие советского прошлого. Это наследие становится сейчас неким идеальным образом...».¹²

При этом речь идет вовсе не о некоем абстрактном стремлении к «справедливости», по поводу которого иронизировал ещё Фридрих Энгельс. Стремление к «справедливости» лишь выражает на языке морали осознание совершенно иных, вполне объективных и назревших общественных потребностей. При этом, однако, принципиально важно то, что недовольство сложившимся положением вещей само по себе не только не гарантирует позитивных перемен, но и может стать деструктивным фактором, механизмом саморазрушения общества. Поскольку кризис носит объективный характер, он будет нарастать при любом развитии событий, вне зависимости от наличия или отсутствия конструктивной альтернативы. Но для того, чтобы этот кризис обернулся общественным преобразованием, а не чередой бессмысленных катастроф, нужна комплексная экономическая, социальная и политическая стратегия. Эта стратегия не может быть разработана без серьезной теоретической основы, которую, в свою очередь, невозможно сегодня представить себе без учета достижений марксистской мысли.

¹² Логос, 2014, №2, с. 201-202.

Новая стратегия развития

Основные черты новой стратегии развития уже прорисовываются по мере углубления современного кризиса. На политическом уровне это прежде всего демократизация процессов принятия решений, создание новых институтов власти, открытых не для узкого круга профессиональных представителей «гражданского общества», давно ставших частью политической олигархии, а для большинства рядовых граждан. На уровне экономической политики возникает необходимость формирования эффективного общественного сектора и его интеграции в единый комплекс (не только хозяйственный, но и социальный и институциональный), как на национальном, так и на межгосударственном уровне. Сколько бы увлекательных историй про креативный класс ни рассказывали нам идеологи постиндустриальной эры, реальное торжество постиндустриальных технологий невозможно без преобразования и бурного развития промышленности, передовых производственных технологий и прикладной науки, распространения инженерных знаний и формирования широкого слоя высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых работников именно для материального производства, а также — для науки и образования. Задача наступающей эпохи для России и для многих других «старых индустриальных стран» состоит в создании новой индустрии, основанной на использовании дорогого и высокопроизводительного труда, что, в свою очередь, невозможно без создания на основе новых технологий интегрированных энергетически и транспортных систем в рамках общественного сектора.

Необходимы также формирование институтов стратегического планирования и регулирования, последовательные усилия, направленные на развитие внутреннего рынка, ориентированного на потребности собственного населения. На этой основе становится возможна реорганизация мирового рынка через взаимодействие организованных и демократически регулируемых национальных экономик.

Наконец, важнейшей задачей нашего времени остается превращение социального развития в инструмент экономической экспансии, формирование спроса через социальную политику.

Необходимо, чтобы в основе государственной экономической политики лежал приоритет науки, образования, здравоохранения, гуманизация среды обитания, решение экологических проблем в интересах общества, а не экологов.

Все эти задачи, какими бы прагматическими они ни казались, просто никогда не будут реализованы без радикальных политических и социальных перемен, поскольку только так могут быть созданы соответствующие институты и общественные отношения, стимулирующие, а не блокирующие подобное развитие. Вопрос стоит не о замене одних элит другими, а о том, чтобы радикально перестроить сам механизм общественного воспроизводства, сформировать новые общественные слои, не только органически заинтересованные в демократическом развитии, но и способные стать субъектом этого развития.

Разумеется, с точки зрения многих представителей традиционного марксизма, ждущих немедленного наступления социализма в результате пролетарской революции, подобная перспектива может показаться слишком «умеренной» и «реформистской», но только она и именно она может мобилизовать общественную энергию на осуществление глубоких социально-экономических преобразований и способствовать оформлению широкого блока, заинтересованного в этих преобразованиях, способного и готового их осуществлять на практике.

Революционность марксизма всегда состояла не в готовности снова и снова повторять яркие антибуржуазные лозунги, а в способности его наиболее проникательных сторонников бескомпромиссно анализировать действительность, додумывая до конца свои выводы и радикально проникать в самую суть общественных отношений, предпочитая сетованиям по поводу социальной несправедливости трезвый анализ структур власти и господства, которые эту несправедливость неминуемо и неизменно воспроизводят.

Мировой кризис, начавшийся в 2008 году, знаменовал конец эпохи неолиберальной глобализации, но отнюдь не прекращение порожденных её процессов. В этом смысле современную эпоху можно характеризовать как эру «постглобализации». Невозможно преодолеть последствия неолиберализма без осознания необратимости произошедших перемен и одновременно без понимания того, что эти перемены, в свою очередь, отнюдь не являются окончательными. Невозможно вернуться назад, как бы ни были значимы и привлекательны для нас достижения и идеологии, оставленные нам XIX и XX веками, но можно идти вперед, опираясь на этот опыт, изучая его уроки и используя теоретический багаж, оставленный нам великими мыслителями Просвещения и идеологами освободительного движения, величайшим и самым актуальным из которых, нравится это кому-то или нет, остается именно Карл Маркс.

Об авторе:

Борис Кагарлицкий, социолог, кандидат политических наук, Директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО).